

УДК 821.581

Специфика воплощения верований народа в сборнике рассказов «Ляо Чжай чжи и» (перевод и комментарии В.М. Алексеева)

Лэй Лисы

Аспирант,
Хэйлунцзянский университет,
150080, Китайская Народная Республика, Харбин, ул. Сюйфу, 74;
e-mail: llslls613@126.com

Аннотация

Целью работы является исследование специфики воплощения верований народа в переводе сборника рассказов «Ляо Чжай чжи и» с большим количеством фольклорных сюжетов и элементов. Комментарии и перевод сборника рассказов, принадлежащие перу основателя современного российского китаеведения В.М. Алексеева, содержат не только объяснения множества слов и фраз, они также имеют высокую научную ценность для фольклористики и культурологии. Его комментариям помогают современному российскому читателю понять особенности и сердцевину, душу китайской народной культуры. Можно с уверенностью говорить о том, что перевод сборника рассказов «Ляо Чжай чжи и», выполненный В.М. Алексеевым, содействовал распространению китайской народной культуры на Западе. Это весомый вклад русского ученого-китаеведа в изучение китайской народной культуры. Перевод, выполненный В.М. Алексеевым, является замечательным образцом для профессиональных переводчиков, работающих с китайской классикой. Методы и профессиональный опыт В.М. Алексеева должен изучать каждый современный переводчик-китаист.

Для цитирования в научных исследованиях

Лэй Лисы. Специфика воплощения верований народа в сборнике рассказов «Ляо Чжай чжи и» (перевод и комментарии В.М. Алексеева) // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 4А. С. 54-62.

Ключевые слова

Верования народа Китая, перевод, способы перевода, В.М. Алексеев, «Ляо Чжай чжи и», народная культура.

Введение

Массовый перевод китайской классики начался в 1950-х гг., когда значительная часть произведений древних китайских писателей была переведена на русский язык, включая танские стихи, сунские цы, «Четыре Великих Творения» и т. д. До этого в 1910 г. В.М. Алексеев уже начал переводить и исследовать сборник «Ляо Чжай чжи и» (далее – «Ляо Чжай»), и с тех пор русские начали знакомиться с «Ляо Чжай» и его автором Пу Сунлином. «Ляо Чжай» – один из лучших сборников рассказов на классическом китайском языке (вэньянь), в котором «воссоздана широкая картина жизни Китая на рубеже XVII-XVIII столетий» [Устин, 1981, 117]. «Большим уважением по изяществу языка и сжатости изложения пользуются удивительные повести, составленные в доме Ляо-чжай» [Васильев, 2013, 322]. В сборнике представлены основные произведения подобного жанра, и отличают их уникальный стиль повествования, большое количество фольклорных сюжетов и элементов. Это произведение по праву называют энциклопедией устного народного творчества и культуры периода династий Мин и Цин.

В течение всей жизни В.М. Алексеев перевел немало классических китайских произведений, в частности произведения танских поэтов, сунские цы, «Удивительные истории нашего времени и древности», «Ляо Чжай». При этом «Ляо Чжай», пожалуй, можно считать самой крупной и наиболее успешной работой В.М. Алексеева как переводчика. «Среди китаеведов широко принято считать вершиной достижений В.М. Алексеева как переводчика его переводы новелл Пу Сунлина» [Кроль, 1983, 58]. Он успешно перевел более 160 рассказов из «Ляо Чжай» и составил подробные комментарии и объяснения к различным явлениям китайской народной культуры. Ученик Алексеева Л.З. Эйдлин в предисловии к переводу своего учителя подчеркнул, что его объяснения к переводам рассказов имеют самостоятельную ценность [Пу, 1983, 9]. Перевод «Ляо Чжай» на русский язык – это не просто прекрасный литературный текст. Сборник содержит замечательные по глубине комментарии, которые представляют высокую научную ценность для фольклористов и культурологов.

В.М. Алексеев в «Трудах по китайской литературе» поставил цели и проанализировал трудности при переводе китайской классики: «...как же обойтись при переводе китайских классиков на русский язык, с одной стороны, без всякого русификации оригинала, убогой или великолепной, с другой стороны, без всякой китайщины, экзотики невольной, а тем более нарочитой; и далее, как миновать целую гамму фальшивых тонов, минорных до мизантропии (Васильев), от мажорных до экстаза и неистовства; как избежать тона скучной прописной морали, стерилизованных от христианских проповедников Китая, тона канцелярской отписки в виде деловой справки по конфуцианским и другим вопросам, наконец, тона обывательской беседы на экзотические темы, с тою подготовкой, что есть налицо, т. е. обывательским “здравым смыслом” и т. п.?» [Алексеев, 2003, кн. 2, 126]. Вышеуказанные аспекты касаются сущности литературного перевода, особенно перевода классики. Тогда к каким методам прибегает В.М. Алексеев при переводе сборника «Ляо Чжай» для сохранения полноты религиозного тона? Добился ли он этих целей? Как он избегал и китайщины, и русификации? В этой статье мы найдем ответы на эти вопросы.

В переводе «Ляо Чжай» Алексеева даны объяснения и оценки различным составляющим китайской народной культуры: одежде, национальной кухне, жилищу и быту, средствам передвижения, праздничным обрядам, свадьбам и похоронам, эстраднему искусству и народным играм, святыням и религии. В этой статье мы коснемся наиболее ярких сторон традиционных народных верований.

Почитание яшмы

Китайские текстовые записи о яшме датируются периодом Чуньцю (более 3000 лет назад). Историки подтвердили, что китайцы первыми в мире стали обрабатывать и использовать яшму. Использование яшмы приобрело особую популярность во времена династий Шан и Чжоу (ок. 1600 г. до н. э. – 256 г. до н. э.). В трактате «Шовэнь цзецзы», составленном филологом Сюй Шэнем, жившем в эпоху Хань, о яшме говорится: “玉者, 石之美也” («яшма – красивый камень») [Ху, 1985, 66]. Китайцы считали яшму самым ценным горным камнем, ей придавали особую сакральную силу. В традиционной культуре яшма неизменно признавалась талисманом и оберегом («счастливой вещью») и одновременно символом высокой нравственности («почитание нравственности»). В древности ее полировали, вырезали из этого камня фигурки животных. Отличительные черты яшмы сравнивали с нравственными качествами. Считалось, что человек высоких моральных качеств должен быть как яшма. Существует такое выражение: «скромный благородный человек – нежный и теплый, как яшма» (谦谦君子, 温润如玉). Яшма была не только носителем традиционной китайской духовной культуры, но и ее воплощением.

Почитание яшмы стало одним из важнейших факторов, повлиявших на развитие производства яшмовых украшений и произведений из яшмы. В Китае нередко говорят 冰清玉洁 («чистый, как яшма, и прозрачный, как лед»). А выражение 抛砖引玉 («бросить кирпич, а получить яшму») означает: пусть мой скромный почин найдет более достойных продолжателей. Широко распространено в Китае выражение 金玉良言 («драгоценные слова»).

Яшма неоднократно упоминается в «Ляо Чжай». Например, герой рассказа «Врачебное искусство Чжана» заехал в какую-то горную деревню просто попросить воды. Но у него ничего не вышло, ведь «в этих горах цена воды была вровень с так называемым “Яшмовым соком”» [Пу, 2000, 172]. В своих комментариях В.М. Алексеев объясняет «яшмовый сок» так: «Нектар, который, по учению даосских писателей, может продлить жизнь. “Яшмовый” не означает, конечно, происхождение сока, а значит “прекрасный”, “чудесный”, ибо яшма, белая, нежная, с неизъяснимою прелестью колорита и какой-то особо прекрасной эманацией, ценится в Китае выше всех других камней и служит предметом обожания и мистической поэтизации. В литературе это самый классический и изысканный образ. Яшма чиста, струиста, тепла, влажна, одновременно мягка и тверда. Она не грязнится, не зависит от окружающей ее температуры и, следовательно, есть лучший образ благородного человека, не зависящего от условий жизни. Яшма в руке поэта – его стихи. Яшма в порошке – это разбросанные по бумаге перлы каллиграфа. Яшма – это красивая девушка, это человеческая доблесть; яшма – это милый прекрасный человек, ибо чистое сердце его сквозит и струится, как яшма. Наконец, “яшмовый сок” – это вино» [Там же]. Этот комментарий объясняет не только значение «яшмового сока» в тексте, но и достаточно подробно разъясняет китайскую яшмовую культуру, одновременно раскрывая народную культуру.

Поклонение лисе

Лиса в китайской культуре чаще всего представлена в образе феи-оборотня, в иконографии «лисей культуры» она занимает важное место и зачастую является объектом народного почитания. Среди древнекитайских мифов есть история женитьбы Юя и женщины с горы Тушань, она записана в «У-Юэ чуньцю» («Анналы царств У и Юэ»). Люди, жившие на горе Тушань, относились к лисе как тотемному животному, считая себя ее потомками.

В Китае существует огромное количество легенд и литературных произведений о лисе. Лиса-оборотень – постоянный персонаж знаменитых новелл Пу Сунлина [Титаренко, 2007, т. 2, 668]. Так, история лисицы, написанная Пу Сунлином, широко известна. Автор наделил лисиц человеческой добротой и мудростью, рассказал о дружбе и любви между лисами и людьми, изменив традиционное восприятие этого животного у многих людей. Конечно, история лисы занимает большое место в устном народном творчестве и художественных произведениях не только Китая, но и России, где лисице также посвящено множество сказок, басен и притч («Лиса и кролик», «Медведь и лиса», «Лиса и волк», «Лиса и лапоть», «Лиса и журавль», «Лиса и кувшин»). Основными и характерными чертами лисы во многих этих произведениях являются хитрость и жадность. И в этом большая разница с лисой, изображенной в «Ляо Чжай». Образ лисицы в Китае двойной: после того как она стала бессмертной, лиса благословляет людей или преследует их. Лиса нередко дарит богатство любящим, чтобы помочь им избежать бедствий. Лиса-оборотень может представлять как в женском, так и в мужском облики. Лиса-оборотень нередко становится доверенным другом героя. Лиса-оборотень может строго наказать ненасытных. Говорят, что «у тысячи людей тысяча характеров, у десяти тысяч людей – десять тысяч обликов. Так и характер лисы в преданиях и народных произведениях очень разнообразен» [Ху, 2008, 269].

«Ляо Чжай» – это первый сборник рассказов, относящийся к династии Цин, в котором много рассказов о лисице. В нем также великое множество ее обликов: прекрасная и уродливая, талантливая и смешливая, саркастичная и ироничная, по-рыцарски благородная. Есть лиса, которая воздаст за добро и ценит его, существует и злая лиса. В.М. Алексеев очень любил эти сказочные истории, прекрасно понимая степень их вымысла. Он высоко ценил творческое воображение Пу Сунлина, а также глубоко сокровенный и практический смысл этих произведений.

В «Ляо Чжай» 81 история о лисах, В.М. Алексеев перевел 75 из них, т. е. больше половины. Первым сборником переводов, опубликованным В.М. Алексеевым, был «Ляо-Чжай. Лисьи чары», что подтверждает пристрастие ученого к историям о лисицах. Треть опубликованной подборки переводов называется «Ляо-Чжай. Странные истории», но выбранные истории также в основном связаны с лисой.

В.М. Алексеев в своем предисловии рассказал читателю о мифологии женитьбы Юя и женщины-оборотня с горы Тушань. Юй женился на лисице с девятью белыми хвостами, у них родился сын. В истории о «Красавице Цин-фэн» переводчик прокомментировал «Повесть о горе Ту»: Юй, распределяя воды Китая после потопа, дошел до горы. Вечерело. Юй боялся, что в темноте произведет неверные измерения, и решил... жениться на фее горы, чтобы получить какое-нибудь знамение. И явилась к нему белая лиса с девятью хвостами, что он счел за признак царского рода. Он женился на ней, дав ей имя Нюйцзяо» [Пу, 2000, 72]. В предисловии он также описал картину китайского жертвоприношения лисам-оборотням: «Вы идете по китайским полям и вдруг видите, что перед каким-то курганом стоит огромный стол, на котором стоит в ряд древнего вида сосуды, знамена, знаки и все вещи, свойственные, насколько вам известно, только храму. Вы осведомляетесь у прохожего мужичка, что это такое, и слышите в ответ: “Это фея-лиса” (Хусянье). Она, видите ли, живет где-то тут в норе, и ее упрашивают не вредить бедному народу и не только не вредить, а, наоборот, благодетельствовать ему, как благодетельствуют прочие духи. Словом, лиса становится анонимным божеством, равноправным со всеми другими, которым в Китае имя легион» [Там же, 10-11].

Комментарий В.М. Алексеева к истории женитьбы Юя в основном совпадает с «У-Юэ чунью». Описание сельской картины поклонения лису-оборотню очень детальное. А это

важно, так как, не видя своими глазами, детали описать и понять достаточно сложно. Это говорит о том, что у Алексеева были обширные и глубокие познания в этой области. Он многое знал о лисах из древних китайских книг и из реальной жизни в Китае. Комментарии В.М. Алексеева передают буквальный смысл относительно лис-оборотней и, что более важно, знакомят русских читателей с китайской «лисей культурой» и народными верованиями.

Пантеон

В народе с древних времен существовал культ *Нефритового императора* (Юй-ди), который считался верховным божеством, жил на небесах и управлял тремя мирами (Небом, Землей и людьми). Согласно преданию, когда он родился, все его тело светилось и сияло, озарив дворцовый зал. С детства он был умным и милосердным. Унаследовав императорский престол, он успешно управлял государством, часто жертвовал из казны на помощь беднякам, сиротам и обездоленным. Спустя некоторое время он ушел в монастырь. Пережив тысячи бедствий и выстояв, он, в конце концов, стал Нефритовым императором. Во времена династий Мин и Цин бытовала пословица: «На небесах Нефритовый император, а на земле народный». Люди связывали Нефритового императора с народным, веря, что их император прислан Нефритовым повелителем для управления народом, и поэтому в Китае императора нередко именовали «сыном Неба». В китайском фольклоре Нефритовый император мудр и могуществен, несет попечение о страданиях народа, наказывает демонов и тех, кто не соблюдает правил бессмертных, исполняет насущные просьбы людей.

В «Ляо Чжай» также много раз упоминается о Нефритовом императоре. В.М. Алексеев про него писал так: «Яшмовый Верховный – бог, которого позднейший даосизм наградил всеми атрибутами власти над небом и землей, дав ему, однако, чисто земное происхождение и, как видно, любовные связи с землей по типу греческих божеств» [Там же, 377]. В греческой мифологии есть божества, которые существуют естественным образом в природе, есть божества – потомки Бога и Богини, и есть божества – потомки Бога и человека. Здесь В.М. Алексеев противопоставляет китайских божеств и небожителей греческой мифологии, чтобы русскому читателю было легче понять природу Нефритового Императора, который имел «чисто земное происхождение».

Мать Западных Царей (Си-ванму) обычно упоминается вместе с Нефритовым императором. Она известна также как Ванму Нянян и появилась намного раньше, чем Нефритовый император. В ее имени есть иероглиф «мать», и, вероятно, это связано с поклонением матери в древнем матрилинейном обществе. В «Каноне гор и морей» («Шань хай цин») описан облик Матери западных Царей: у нее человеческое тело, тигриные зубы, леопардовый хвост, непричесанные волосы. К наступлению периода династии Хань языческий облик Си-ванму постепенно становился более изысканным и элегантным. Мать Западных Царей – хранительница персиков бессмертия. Персик – самый ранний плод, который выращивали наши предки. Цвет спелого персика сравнивали с кожей младенца, и он стал символом долголетия. В рассказе «Лисий сон» есть упоминание о Си-ванму: «Мы вместе с четвертой сестрой вызваны к Матери Западных Царей и назначены вестницами цветов и птиц». В.М. Алексеев прокомментировал это так: «...она фея далеких западных стран, живущая в мраморном дворце у Яшмового озера и Изумрудной реки. Науке до сих пор не удалось еще разгадать ее странного имени» [Там же, 59].

Богиня Гуаньинь – чтимая и могущественная буддийская Бодхисаттва, богиня великой скорби, милосердия, является спасительницей и очень популярна в народе. В разных местах в

ее честь построено бесчисленное множество храмов, народ поклоняется Гуаньинь даже больше, чем Будде. В «Ляо Чжай» есть немало историй о ней. Например, в «Злой жене Цзян-чэн» старуха Гао увидев, насколько ее сын покорился жене, сошла с ума от горя. Ночью в тонком сне явился ей старец, который научил женщину священной молитве к Гуаньинь. Здесь В.М. Алексеев сделал комментарий: «Гуаньинь – переводное имя Бодхисаттвы Авалокитешвары, который в Китае особенно чтится. Сначала он изображался в мужском образе, потом в женском. Не уходя из мира в нирвану – окончательное и блаженное угасание жизни, он жертвует собой, чтобы помочь страждущему. Для этого он является в молитве во всяких бедах, принимая всякий раз форму, нужную для данного случая». Южное море является резиденцией Гуаньинь, в «Верховном святом» лис-оборотень говорил: «Южное море – дорога, мне отлично известная» [Там же, 194]. Об этом В.М. Алексеев писал так: «В Южном море, то есть у южного побережья Китая, на острове Путошань, пребывает «Бодхисаттва Пуса Гуаньинь» [Там же, 562]. В «Изгнаннице Чан-э» драконова дочь прислуживает Гуаньинь, чтобы угодить фее Чанэ. В.М. Алексеев объясняет: «Гуаньинь – Бодхисаттва. Изображается в женском облике, сидящим на лотосе. Рядом стоит яшмовая ваза с ивовой веткой, перед божеством распластался отрок Шань-цай, рядом стоит девочка – Драконова дочь» [Там же, 404]. Заметим при этом, что В.М. Алексеев описывает образ Гуаньинь детально. И это тесно связано с его знанием китайских народных картин. Как отметил Б.Л. Рифтин, китайская народная картина и китайская народная религия тесно связаны друг с другом [Рифтин, 1983, 68]. Мы увидим, что в «Китайской народной картине», опубликованной в 1966 г., напечатаны две иллюстрации с образом Гуаньинь [Алексеев, 1966, 139, 145]. Это то, чего другие китаисты не могут дать, просто анализируя и разбирая текст.

«Восемь бессмертных» – одна из самых популярных групп Бессмертных в китайском фольклоре. До сих пор во многих народных храмах люди одеваются как восемь бессмертных, копируя их анимационные образы и приветствуя в таком виде туристов со всего мира. Сегодня благодаря кино и телевидению «Восемь бессмертных» знают все, от мала до велика. В китайском культовом пантеоне сотни бессмертных, но наиболее популярны в народе восемь. Наверное, потому что они отвечают духовному и психологическому запросу всех слоев общества, людям всех возрастов. Они являются наиболее яркими персонажами многих традиционных праздничных мероприятий и народных гуляний. В Китае наиболее известны восемь даосских бессмертных: Люй Дунбинь, Ли Тегуай, Чжун Ханьли, Чжан Голао, Цао Гоцзю, Хан Сянцзы, Лан Цайхэ и Хэ Сянь-гу. Они очень разнообразны по облику и характеру: мужчины, женщины, дети, богатые и бедные, вежливые и строгие... Как говорится, на любой вкус.

Люй Дунбинь – первый из «Восьми бессмертных». В.М. Алексеев путешествовал по Китаю в 1907 г., он писал о Люй Дунбине в дневниках: «Наибольшей популярностью, однако, пользуется та статья религиозного даосизма, которая имеет дело с заклинанием и изгнанием злых бесов и всякой нечисти. На первом месте тут стоит святой заклинатель Люй Дун-бинь (один из восьми бессмертных). <...> Легенда рассказывает его биографию весьма конкретно: он подвижник VIII в., получивший святость и особый секрет владения мечом. Впервые он испытал чудодейственность этого меча, убив им страшного крокодила в реке Янцзы. С тех пор он ходит по Китаю невидимкой, сокрушая, по молитве верующих, окружающую их нечистую силу» [Алексеев, 2016, 79]. В «Невесте-монахине Чэнь Юнь-ци» говорится: в этом уезде был храм Патриарха Люя. В.М. Алексеев комментирует это так: «Патриарх Люй – Люй Дунбинь, знаменитый подвижник XVIII в., ставший одним из самых популярных богов Китая. На иконах он изображается с мечом за плечами, и в славословии ему говорится, что он ходит

невидимым, сокрушая, по молитве верующих, нечистую силу» [Пу, 2000, 348]. В народных преданиях существует много историй и легенд, идиоматических поговорок о «Восьми бессмертных». Один из главных героев идиоматической истории «Сон просяной каши» – Люй Дунбинь. В.М. Алексеев рассказал эту историю в «Пока варилась каша (Продолжение старой истории)»: «Даосский святитель Люй однажды зашел в гостиницу и там повстречал юношу, который стал жаловаться ему на свою горькую жизнь. Поговорив, он задремал. Люй дал ему подушку, и вот юноша увидел во сне, как он, выдержав экзамены, добился самых высоких почестей и как в конце концов – умер. Пока он спал, хозяин гостиницы еще не успел даже сварить гостям кашу. Бедный юноша не захотел богатства, а, получив от своего спутника внушение, стал таким же, как и он, подвижником» [Там же, 226].

Хэ Сяньгу – единственная женщина среди «Восьми бессмертных». Ежегодно в 3-й день 3-го месяца по лунному календарю отмечают ее день рождения, а в 8-й день 8-го месяца – день, когда она стала бессмертной. Верующие в эти дни проводят грандиозные мероприятия. Народная сказка гласит, что *Хэ Сяньгу* получила бессмертие после того, как съела персик, который дал ей даос-волшебник. Об истории *Хэ Сяньгу* В.М. Алексеев писал: «При жизни своей она была дочерью купца. Однажды случайно встретился с ней победный дух, воплощающий в себе светлое начало и в жизни именовавшийся Люй Дун-бинь. Он дал ей съесть половину своего персика. После этого она уже никогда не испытывала голода, а кроме того, получила способность предсказывать любому человеку его судьбу. Когда она умерла, труп ее исчез. Впрочем, подобных преданий о ней много» [Там же, 206].

В.М. Алексеев отметил, что «Всякий перевод Ляо Чжая, как и любого другого китайского литературного текста в стиле старинного уклада, обречен на неуспех в виду упрощенности перевода относительно “неупрощаемого” в природе вещей; и, следовательно, потерять даже эту связь с оригиналом было бы непростительно» [Алексеев, 2002, кн. 1, 443]. При переводе «Ляо Чжай», в котором содержится много религиозных элементов, он постарался донести до русских настоящий «Ляо Чжай», каким его воспринимают китайские читатели. Алексеев прибегает к методам прямого перевода, аналогиям с европейскими и русскими сюжетами, интерпретациям и т. д. Он написал большое количество комментариев, путем примечаний раскрывая подлинную значимость и включая целый ряд сначала неизвестных нам ассоциаций [Конрад, 1977, 602].

Комментарии В.М. Алексеева и его интерпретация культа почитания духов в Китае в значительной мере нашли отражение в переводе «Ляо Чжай». Эта работа отражает многогранное и глубокое понимание народной культуры, но еще более важно то, что комментарии В.М. Алексеева основаны на личных впечатлениях, материале, который ученый собирал в течение всей своей жизни. Их отличают особая достоверность и живость восприятия, что трудно дается рядовым китаеведам. 12 октября 1907 г. в своем дневнике В.М. Алексеев записал: «Я хочу быть китаистом-культуроведом по принципу наибольшего и наилучшего охвата китайской культуры. Всей своей будущей деятельностью я хочу всячески расширять русло, соединяющее культуру Китая с нашей культурой, показать и пропагандировать огромный и прекрасный незнакомый нам мир» [Рифтин, 2012, 96].

Заключение

Комментарии В.М. Алексеева помогают современному российскому читателю понять особенности и сердцевину, душу китайской народной культуры. Китайские читатели и ученые, изучающие народную культуру, в свою очередь, более объективно узнают о месте китайской народной культуры в мировой. Можно с уверенностью говорить о том, что перевод «Ляо Чжая»,

выполненный В.М. Алексеевым, содействовал распространению китайской народной культуры на Западе. Это весомый вклад русского ученого-китаеведа в исследование «Ляо Чжая» и изучение китайской народной культуры. Перевод, выполненный В.М. Алексеевым, является замечательным образцом для профессиональных переводчиков, работающих с китайской классикой. Считаю, что методы и профессиональный опыт В.М. Алексеева должен изучать каждый современный переводчик-китаист.

Библиография

1. Алексеев В.М. В старом Китае: дневники путешествия в 1907 г. Куньмин, 2016. 233 с.
2. Алексеев В.М. Китайская народная картина: духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М.: Наука, 1966. 254 с.
3. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. М.: Восточная литература, 2002. Кн. 1. 574 с.
4. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. М.: Восточная литература, 2003. Кн. 2. 511 с.
5. Васильев В.П. Очерк истории китайской литературы. СПб., 2013. 334 с.
6. Конрад Н.И. Избранные труды: синология. М.: Наука, 1977. 622 с.
7. Кроль Ю.Л. В.М. Алексеев как переводчик китайской классической прозы (на примере переводов из Сыма Цяня) // Традиционная культура Китая. М.: Наука, 1983.
8. Пу С. Рассказы Ляо Чжяя о необычайном. М.: Художественная литература, 1983. 430 с.
9. Пу С. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжяй чжи и). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 784 с.
10. Рифтин Б.Л. Китайская народная мифология в трудах В.М. Алексеева // Традиционная культура Китая. М.: Наука, 1983.
11. Рифтин Б.Л. Путешествия русского китаеведа в Китай // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 10. С. 91-99.
12. Титаренко М.Л. Духовная культура Китая. М.: Восточная литература, 2007. Т. 2. 869 с.
13. Устин П.М. Пу Сунлин и его новеллы. М.: Издательство Московского университета, 1981. 264 с.
14. Xu Sh. Shuo wen jie zi. Beijing, 1985. 390 p.
15. Xu W. On domestic everyday life and customs in the collection "Liao Zhai". Jinan, 2008. 348 p.

The specificity of the implementation of people's beliefs in *Liao Zhai Zhi Yi* (*Strange Stories from a Chinese Studio*) (translation and comments by V.M. Alekseev)

Lisi Lei

Postgraduate,
University of Heilongjiang,
150080, 74, Xuefu st., Harbin, People's Republic of China;
e-mail: llslls613@126.com

Abstract

The article aims to study the specific features of the embodiment of the beliefs of the people in the translation of the collection of short stories *Liao Zhai Zhi Yi* with a large number of folk stories and elements. As one of the greatest classics in China, *Liao Zhai Zhi Yi* marks the peak of classical fiction writing. With infinite imagination and keen insight, Songling Pu successfully portrayed a vivid panorama of the Chinese society of the 17th century. Due to the fact that the Russian language and culture are very different from the Chinese language and culture, the translation and explanation of folklore elements are a difficult task for translators. The translation and comments by V.M.

The specificity of the implementation of people's beliefs...

Alekseev contain not only explanations of many words and phrases, but also have a high scientific value for folklore and cultural studies. His comments help modern Russian readers to understand the features and core, the soul of Chinese folk culture. This translation of the collection of short stories *Liao Zhai Zhi Yi* contributed to the spread of Chinese folk culture in the West. The article points out that this is a significant contribution of the Russian scholar to the study of Chinese folk culture.

For citation

Lei Lisi. (2019) Spetsifika voploshcheniya verovaniy naroda v sbornike rasskazov "Lyao Chzhai chzhi i" (perevod i kommentarii V.M. Alekseeva) [The specificity of the implementation of people's beliefs in *Liao Zhai Zhi Yi* (*Strange Stories from a Chinese Studio*) (translation and comments by V.M. Alekseev)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (4A), pp. 54-62.

Keywords

People's beliefs in China, translation, methods of translation, V.M. Alekseev, "Liao Zhai Zhi Yi", folk culture.

References

1. Alekseev V.M. (1966) *Kitaiskaya narodnaya kartina: dukhovnaya zhizn' starogo Kitaya v narodnykh izobrazheniyakh* [The Chinese folk painting: the spiritual life of old China in folk images]. Moscow: Nauka Publ.
2. Alekseev V.M. (2002) *Trudy po kitaiskoi literature* [Works on Chinese literature], Book 1. Moscow: Vostochnaya literatura Publ.
3. Alekseev V.M. (2003) *Trudy po kitaiskoi literature* [Works on Chinese literature], Book 2. Moscow: Vostochnaya literatura Publ.
4. Alekseev V.M. (2016) *V starom Kitae: dnevniki puteshestviya v 1907 g.* [In old China: the travel diaries of 1907]. Kunming.
5. Konrad N.I. (1977) *Izbrannye trudy: sinologiya* [Selected works: sinology]. Moscow: Nauka Publ.
6. Krol' Yu.L. (1983) V.M. Alekseev kak perevodchik kitaiskoi klassicheskoi prozy (na primere perevodov iz Syma Tsyanya) [V.M. Alekseev as a translator of Chinese classical prose (a case study of translations from Sima Qian)]. In: *Traditsionnaya kul'tura Kitaya* [China's traditional culture]. Moscow: Nauka Publ.
7. Pu S. (1983) *Rasskazy Lyao Chzhaya o neobychnom* [Liao Zhai's tales of the extraordinary]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
8. Pu S. (2000) *Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika (Lyao Chzhai chzhi i)* [Strange stories from the loser's studio (Liao Zhai Zhi Yi)]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ.
9. Riftin B.L. (1983) Kitaiskaya narodnaya mifologiya v trudakh V.M. Alekseeva [Chinese folk mythology in the works by V.M. Alekseev]. In: *Traditsionnaya kul'tura Kitaya* [China's traditional culture]. Moscow: Nauka Publ.
10. Riftin B.L. (2012) Puteshestviya russkogo kitaeveda v Kitai [Travels of the Russian sinologist in China]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology], 11 (10), pp. 91-99.
11. Titarenko M.L. (2007) *Dukhovnaya kul'tura Kitaya* [China's spiritual culture], Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura Publ.
12. Ustin P.M. (1981) *Pu Sunlin i ego novelly* [Pu Songling and his novels]. Moscow: Moscow University.
13. Vasil'ev V.P. (2013) *Ocherk istorii kitaiskoi literatury* [An outline of the history of Chinese literature]. St. Petersburg.
14. Xu Sh. (1985) *Shuo wen jie zi*. Beijing.
15. Xu W. (2008) *On domestic everyday life and customs in the collection "Liao Zhai"*. Jinan.